

Как показывают данные таблицы, для сочинительной связи в русском и польском языках характерно вероятностное соотношение первой позиции с положительными категориями и второй — с отрицательными. Эти данные подтверждают тезис о значимом порядке слов в координативной синтагме и об ирреверсивности сочинительной связи.

¹ Пешковский А. М. Избранные труды.— М., 1959, с. 135.

² Гроот А. В. де. Классификация групп слов.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 180—181.

³ См.: Bednarczyk L. Parataksa a hipotaksa.— Sprawozdania z posiedzeń Komisji Naukowych. Kraków, 1970, t. XIII/I, s. 56.

⁴ Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка.— М., 1981, с. 115.

⁵ Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка.— ИАН ОЛЯ, 1981, т. 40, № 4, с. 353.

⁶ См.: Гроот А. В. де. Указ соч., с. 181.

⁷ См.: Прокопчук А. А. Коммуникативно-функциональный аспект линейаризации в рядах с сочинительной связью.— В кн.: Семантика и прагматика синтаксических единиц. Калинин, 1981, с. 67.

⁸ Шведова Н. Ю. Объектная форма в субъектной позиции.— Otázky slovanské syntaxe, Brno, 1976, IV/I, s. 64.

⁹ Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Указ соч., с. 353.

¹⁰ См.: Прокопчук А. А. Указ соч., с. 65.

¹¹ Цит. по: Якобсон Р. О. Круговорот лингвистических терминов.— Фонетика, Фонология, Грамматика. М., 1971, с. 384.

¹² См.: Курилович Е. Очерки по лингвистике.— М., 1962, с. 16; Chlebda W. Oksymoron jako językowy środek poznania i odzwierciedlania relacji pozajęzykowych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego).— Biuletyn Slawistyczny, 1981, R. VI, s. 77.

¹³ Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы.— М., 1965, с. 64.

Я. Л. ТРЕМБОВольский

К СЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧИНЕНИЯ ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА «О ПИСМЕНЕХ»

На общем фоне средневековой литературы, ориентированной на выражение коллективных чувств, коллективного отношения к изображаемому, литературы, для которой чувство канона, знание и использование понятийных клише и словесных штампов являлось критерием писательского мастерства, любое произведение с чертами авторского, индивидуального самовыражения несомненно представляет особый интерес. В старославянской литературе одним из таких произведений следует считать «О писменех». Храбр — бесспорно замечательный представитель общеславянской культуры — привлекает внимание страстной защитой славянской письменности, своеобразной аргументацией, выработанной им тактикой спора с противниками славянской азбуки. Автора «О писменех» отличает тяга к сдержанному и логичному стилю, и вместе с тем в произведении постоянно проявляется свое, субъективное отношение к изображаемому — именно поэтому анализ текста «О писменех» позволяет судить об исторических и философских взглядах Храбра, о системе его ценностей, т. е. о его мировоззрении в контексте средневековой модели мира.

Время создания и утверждения славянской письменности (а значит и время самого Храбра) — это и переход от язычества к христианству, ключевой момент сложнейшего этапа славянской истории. Этот переход сопровождался неизбежной ломкой мирозерцания средневекового человека. И самым значительным в новой модели мира, предложенной христианством, явилось напряженное, эсхатологическое ощущение времени, его безусловности и необратимости. Сакральная история, наполненная уникальными, но непреходящими по содержанию событиями, развела понятия времени и вечности. «Содержание новозаветной веры — не вневременный миф и не вневременная религиозно-философская концепция; оно связано со стихией времени и требует внимания к времени, к «знамениям

времени»¹. Это было принципиальным расхождением с мифологизмом языческого сознания, которое, опираясь на миф и ритуал, не оперировало категориями необратимого развития и изменения, а в рамках вечно-го возвращения рассматривало скоропреходящие явления в качестве своеобразного воспроизведения первоначальной схемы². Но христианский историзм, разошедшийся по существу с метафизическими схемами мифа, не избежал их влияния. В пределах исторического времени образовался мифологический пласт, включавший в себя непреходящие по своему значению события священной истории. Правда, эти события претендовали не на то, чтобы быть вневременными, их мифологизм заключался в претензии на онтологическую исходность, на то, чтобы быть точкой отсчета, началом исторического ряда. Таким образом, сознание средневекового человека отличалось двойственностью. Его жизнь развертывалась сразу в двух временных планах, находившихся в отношении подвижного равновесия: «в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий — сотворения мира, рождества, страстей Христовых»³.

Обрисовав вкратце особенности средневекового восприятия времени, обратимся непосредственно к тексту «О писменех». Основная задача, поставленная Храбром в этом произведении, однозначна: прославление славянской письменности. Но это не «чистая» апология, как, например, «Проглас» Константина Философа. Прославление славянской азбуки достигается здесь за счет посрамления ее противников, вернее, за счет логического и фактологического отвода их возражений. Характер полемики был по существу predetermined уже рассмотренным нами дуализмом средневекового мышления. По мнению сторонников греческой письменности, только она, в сравнении со славянским письмом, освящена вековой традицией и принадлежит «первым деяниям» (тем самым соответствуя сфере мифологического). Славянская письменность, как дело новое, а потому подозрительное, лишь повторяет «первые деяния» и, принадлежа исторической последовательности, скоропреходяща по своему характеру. Такова первоначальная расстановка, исходя из которой Храбр подбирал свои аргументы. Задача Храбра — перекодировка. Выиграть спор можно было, переведя греческую письменность из разряда мифологических «первых деяний» в разряд вторичных деяний исторической последовательности, совершив соответственно обратный перевод славянской письменности в сферу мифологического. Это была своего рода сверхзадача. Посмотрим, как с ней справился Храбр.

В начале произведения рассказывается о трех фазах развития славянского письма. Прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но «чертами и рѣзъми чьтѣху...»⁴ После крещения же славяне пытались записывать свою речь греческими и римскими письменами, но «безъ оустроя», т. е. без порядка, неудачно. И наконец providentialистский акт создания славянской письменности Константином Философом: «потомъ же члколюбець бгъ строяи вся... помиловавъ родъ словенски и посла имъ стго Константина Философа...» Каждый этап пред истории создания славянской письменности и само ее создание отмечены здесь совершенно определенной авторской оценкой. Так очевидно, что с отрицательной коннотацией связано упоминание Храбра о том, что «чертами и резами» славяне пользовались, будучи язычниками: «погани соуще» (в системе инвариантной оппозиции **сакральное-несакральное** языческое несомненно замещает второй член). Следующий этап — это неудачная с точки зрения автора попытка объединить полярные противоположности: христианское и языческое. На первое указывают здесь слова «крѣстивше же ся», а на языческое — «греческими писмены», так как дальше в тексте Храбр отмечает, что греческую письменность создали язычники: «а греческа еллини погани». Кроме того попытку примирить христианское и языческое автор характеризует словами «безъ оустроя», относя ее к сфере несакрального, неистинного, что дополнительно под-

тверждается антонимичными выражениями: *«бгѣ строаи вся»* и *«вся по рядуу бывають от бга»* (можно считать оппозицию **упорядоченное-неупорядоченное** вариантом оппозиции **сакральное-несакральное**). Зато в рассказе о создании славянской письменности Константином Философом каждое слово свидетельствует о победе истинного, святого, праведного. Как видим, уже в начале произведения Храбр, повествуя о трех этапах создания славянской азбуки, для последнего из них вводит провиденциалистскую причину, тем самым создавая эмоциональный фон святости перед основной частью *«О писменехъ»* — полемикой с противниками славянской письменности. Но вот что любопытно. Когда Храбр приводит одно из возражений противников новой письменности, смысл которого в том, что дело Константина Философа несовершенно и еще дорабатывается, то Храбр, чтобы быть последовательным, должен был бы использовать чисто теологическую казуистику: раз славянская азбука — от бога, *«строаи вся»*, то как возможно, что он ее *«нѣсть оустроилъ добръ»*? Но как тонко подметил С. С. Аверинцев, «структуру можно созерцать, в истории же приходится участвовать»⁵. Храбр вынужден подчиниться логике факта и согласиться с принципом развития⁶. Его непоследовательность естественно объясняется двойственностью средневекового сознания, на которую мы уже обращали внимание. Реально-историческим доводам Храбр противопоставляет реально-исторические контрдоводы: *«и греческы також многажды соуть постраяли, Акила и Симмах. и по томъ и инши мнози»*, и все это заключается очевидной житейской мудростью: *«оудобѣ бо есть послѣже потворити. неже первое сотворити»*. Последний пример свидетельствует о характерных особенностях мировоззрения Храбра: факты эмпирической действительности обладают у него известной автономностью и не обязательно выступают как результат «высшей воли».

Рассматривая в *«О писменехъ»* характер полемики с противниками славянской письменности, мы замечаем, что Храбр как опытный полемист очень последовательно, шаг за шагом добивается поставленной цели. Первый его шаг — это приведение показателей славянской азбуки к показателям греческой как высшей по иерархии. Храбр подчеркивает, что греческая азбука послужила образцом Константину Философу в создании славянской (одновременно будучи верным принципу развития он указывает, что греки, создавая азбуку, подражали еврейским письмам). Так, первая буква в греческом алфавите — «альфа», и, следуя этому примеру, *«стыи Кирилъ сотвори первое писмо азѣ»*; в греческой азбуке по хитроумным подсчетам Храбра — 38 букв, и *«тѣмъ же томуу подобно и во тѣ образѣ сотвори стый Кирилъ тридесати и осми писменъ»*.

Второй шаг — это уравнивание греческой и славянской азбук как одинаково вторичных явлений. Храбр приводит аргумент сторонников так называемой трехъязычной ереси: исходя из того, что, согласно Евангелию, надпись на кресте была сделана Пилатом на еврейском, греческом и латинском языках, они утверждали, что только эти языки священные, а славянские письма *«не соуть ... от бга»*. Храбр, возражая им, делает внешнюю отсылку на священные тексты: *«обаже речемъ от стхъ книгъ»*, но использует сведения, почерпнутые им, видимо, из толкований на книгу Бытия византийского писателя V века Феодорита Киррского⁷. Следуя ему, Храбр утверждает, что первым языком на земле был сирийский: *«нѣсть бгѣ сотворилъ жидовска языка, преже ни римска ни еллинска. но сирескѣ имѣ же и Адамъ гла»*. Помещая в онтологический исходное положение безразличный для него в данном случае сирийский язык, Храбр уравнивает таким образом все остальные языки как одинаково вторичные и тем самым принадлежащие исторической последовательности. Для сравнения вспомним, что в 16 главе Пространного Жития Константина Константин, защищая литургию на славянском языке от приверженцев трехъязычной догмы, пользовался только цитатами из Псалтыря и Евангелия⁸. Оригинально интерпретируя эти цитаты, он подводил

к мысли о праве каждого народа вести литургию на понятном для него языке, т. е. все языки признавались перед богом одинаково первичными. Храбра не могла привлечь такая аргументация, зато ему оказался нужен иерархический принцип в рассуждениях Феодорита Киррского. Храбру важно здесь именно то, что не все языки первичны, а первичен только сирийский, все же остальные языки равны как производные, как повторяющие в какой-то мере онтологически исходный язык. Этот тактический ход Храбра позволил ему вывести греческий язык из сферы мифологического.

Третий шаг — это сопоставление историй создания обеих письменностей с тем, чтобы подтвердить вторичный характер греческой с одновременным переводом в сферу мифологического славянской письменности. Для того, чтобы понять, как это удастся сделать Храбру, вспомним ряд отличий исторических представлений от мифологических. «Историческое представление является дискретным, расчленяющим временную последовательность на ряд отдельных друг от друга элементов — событий. Мифологическое мышление не знает такого расчленения»⁹. Вспомним еще раз, что в рамках христианского историзма мифологическое представляет собой совокупность «первых деяний», каждое из которых является исходным и само в себе заключает нерасчленяемую последовательность. Семиотическая значимость этих отличий ощущалась Храбром, вот почему он очень подробно, в деталях показывает растянутое во времени создание греческой письменности. Он постоянно подчеркивает, что она создавалась постепенно, в течение многих лет (*«лѣта многа... по мнозехъ же лѣтехъ... и тако мнози за многа лѣта... многымъ лѣтом... мнози многи лѣты...»*), что в ее создании принимало участие семь книжников (по мнению И. В. Ягича, двоих Храбр просто придумал¹⁰), а в переводе Писания — семьдесят; в этом отрезке текста нет столь обычных для старославянского эллиптических конструкций, наоборот, много повторов, много наречий времени, указывающих на хронологическую последовательность событий. И вслед за этим — сильнейший контрапункт: всего одно лишь предложение о создании Константином Философом славянской азбуки и переводе священных книг: *«а словенскыя книги единъ Константинъ нарицаемый Кирилъ писмена сотвори и книги преложи в малѣхъ лѣтехъ»*. Подчеркивая то, что Константин Философ один создал славянскую письменность, Храбр одновременно подчеркивает ее целостный характер, что свойственно мифологическим представлениям. Как пишет А. Е. Супрун, «слово **единъ** (или **инъ**), по-видимому, употреблялось скорее для того, чтобы выделить некоторую единицу из ряда (множества) ей подобных, чем для того, чтобы этим обозначить количество»¹¹. Аналогичным образом характеризует значение единицы в текстах наиболее древнего типа В. Н. Топоров: «Единица означала, как правило, не столько первый элемент ряда..., сколько целостность, главной чертой которой выступает нерасчлененность»¹². Таким образом, вариантами оппозиции мифологическое-историческое являются противопоставления: **целостное-дискретное, единичное-множественное**. Значимость этих противопоставлений для средневекового сознания можно показать еще на одном примере. В древнерусском памятнике XIV века «Житие Стефана, епископа Пермского» мы находим историю создания Пермской азбуки, написанную под влиянием «О писменехъ»¹³. Автор «Жития Стефана...» Епифаний Премудрый, отстаивая от нареканий Пермскую азбуку, использует тот же механизм противопоставления единичного множественному. Но Стефана Пермского, создавшего без чьей-либо помощи Пермскую азбуку, он противопоставляет... Кириллу и Мефодию (!), вдвоем составившим славянскую азбуку: *«...но Кирилоу Философоу способляше многажды братъ его Мефодъ, Стефану жъ никто жъ...»*¹⁴ Любопытный пример, еще раз подтверждающий семиотическую важность аргументов Храбра на третьем шаге. Именно с их помощью Храбр переводит факт создания славянской письменности в сферу мифологического, в разряд «первых деяний». И как бы закрепляя новую расстановку, он добавляет, что потому еще

славянские письма священны, что «*стѣ бо моужѣ творилъ я естъ, а греческа еллинѣ погани*».

В заключение — четвертый шаг. Храбр указывает точную дату создания славянской письменности при невозможности указания таковой для греческой. Тем самым Храбр пытается сделать время создания славянской азбуки точкой отсчета, началом, онтологически исходным «первым деянием», что несомненно воспринималось как притязание на принадлежность сфере мифологического, сфере сакрального (ср. с точными датами «первых деяний» — сотворение мира, рождение Христа, даты эсхатологических ожиданий и др.).

Таким образом, анализ содержания «О писменехъ» в контексте средневековой модели мира позволил глубже взглянуть на характер приводимых Храбром аргументов в защиту славянской письменности, вскрыть их семиотическую и отчасти культурно-историческую подоплеку.

¹ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1977, с. 92.

² См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М., 1972. Ср. аналогичное восприятие времени античностью: Лосев А. Ф. Критические замечания к диалогу «Тимей». — В кн.: Платон. Сочинения. — М., 1971, т. 3, ч. 1, с. 660.

³ Гуревич А. Я. Указ. соч., с. 127.

⁴ Все цитаты из «О писменехъ» даются по Соловецкому списку № 913 (XVII век) по изданию памятника К. М. Куевым: Куев К. М. Черноризец Храбр. — София, 1967, с. 326—328. Выбор позднего списка обусловлен техническими трудностями. В связи с ним же «юс малый» заменен «Я».

⁵ Аверинцев С. С. Указ. соч., с. 89.

⁶ Первым на идею развития у Храбра обратил внимание И. Дуйчев в кн.: Дуйчев И. Из старата българска книжнина. — София, 1943, ч. 1, с. 209. См. также: Велчев В. Към идейно-творческата проблематика на «Сказание о писменехъ» от черноризец Храбр. — Известия на Института за литература. — София, 1961, кн. XI, с. 5—30.

⁷ Сопоставление текстов см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке: Исследования по русскому языку. — СПб., 1895, т. 1, с. 313; Куев К. М. Указ. соч., с. 68—70.

⁸ См.: Сказания о начале славянской письменности / Комментарии Флора Б. Н. — М., 1981, с. 134—138; Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX—X век. — София, 1962, с. 211—215.

⁹ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект. — Ученые записки Тартуского государственного университета, 1978, вып. 442, с. 95.

¹⁰ Ягич И. В. Указ. соч., с. 318.

¹¹ Супрун А. Е. Славянские числительные. — Минск, 1969, с. 19.

¹² Топоров В. Н. О числовых моделях в арханских текстах. — В сб.: Структура текста. М., 1980, с. 18—19.

¹³ См.: Бодянский О. М. О времени происхождения славянских писмен. — М., 1855, с. LV—LVII; Куев К. М. Указ. соч., с. 172.

¹⁴ Бодянский О. М. Указ. соч., с. LVI.

О. Н. БЕЛЯЕВСКАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМОТИВИРОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ С ОБЩИМ КОРНЕМ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное языкознание открывает новые возможности для исследования близкородственных языков. Общеизвестно, что вследствие генетического родства исследуемых языков сходство сопоставляемых языковых фактов преобладает над различиями. Применение метода, направленного на выявление имеющих различий, фоном для которых служит общее¹, позволяет установить соотношение тождественного и нетождественного на разных уровнях сопоставляемых языковых систем, что в свою очередь способствует постижению тех закономерностей, которые обуславливают самостоятельное существование и развитие близкородственных языков. Особое значение при подобном исследовании приобретает учет различительных признаков, позволяющих с неодинаковой степенью абстрагирования производить регистрацию и систематизацию фактического материала.